

Е.П. Мартынова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ Р. НАДЫМ

В отечественном сибиреведении всегда уделялось внимание исследованию локальных этнических групп того или иного народа. Данная работа, посвященная исследованию этнической истории надымских ненцев, написана на основе полевых материалов автора, собранных в 2001, 2002 и 2004 гг. в Надымском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Этнологические исследования проводились в рамках комплексного изучения Надымского городища, организованного НПО «Северная археология».

Родовое деление

Работы Б.О. Долгих положили начало изучению этнической истории ненцев на основании их родового деления. Оно было продолжено Л.В. Хомич, В.И. Васильевым [Долгих 1960, 1970; Хомич 1976; Васильев 1979]. Термин «род» по отношению к самодийскому населению Березовского уезда встречался в русских документах конца XVI — XVII в. [Долгих 1960; Вершинин 2000]. Многие авторы, писавшие о ненцах, часто использовали термин «род» и признавали наличие у них родовой организации. (Например, И. Лепехин, П.С. Паллас, В. Иславин, Н.А. Абрамов, А. Шренк, М.А. Кастрен, Б. Житков, Г.Д. Вербов, Б.О. Долгих, Л.В. Хомич, В.И. Васильев, Ю.Н. Квашнин.)

Нужно отметить, что в этнологии понятие «род» до сих пор не имеет общепринятого определения. Существует множество терминов для наименования специфических родственных групп: клан, линидж, патрилинидж, матрилинидж, родовая община и т.д. Наиболее универсальным следует признать понимание рода как формы общности, основанной на кровных связях. Важнейшим признаком рода считается экзогамия, указывается также на такие признаки, как общее родовое имя, осознание членами рода единства происхождения от общего предка (реального или мифического). Относительно функций рода в литературе нет единого мнения, однако никто из авторов не оспаривает того, что основными являются брачно-регулирующая и религиозно-обрядовая.

Характеристика ненецкого рода была дана Л.В. Хомич. Она отметила следующие признаки: экзогамия (запрещение браков внутри рода); отцовский счет родства; наличие имени, особой территории, родовых жертвенных мест и кладбища; существование коллективных способов производства и распределения; обычай родовой взаимопомощи; наличие фонда родовых имен; левират; авторитет стариков среди сородичей. Род определял семейную и религиозную жизнь своих членов, был военной организацией при столкновениях с соседями [Хомич 1995: 157].

Надымские ненцы для обозначения рода чаще всего употребляют слово *еркар*, наряду с ним используют понятия *тунтер* и *тенз*. При этом термин *еркар* употребляется и по отношению к фамилиям, а *тенз* называют также фратрию и племя. Собранный автором полевой материал не позволяет дать полной характеристики родовой организации надымских ненцев и выявить ее специфику, для этого требуется сбор дополнительных сведений. Тем не менее можно сказать, что у них существовало две формы родовой организации — *еркар* и *тунтер*. Информанты высказывали неоднозначные суждения об их соотношении: большинство признавало термин *еркар* как род, а *тунтер* — как его подразделение; другие не видели разницы между ними; третьи считали *тунтер* более крупным объединением, чем *еркар*. Вероятно, такая «путаница» в терминах во многом объясняется тем, что в современных условиях эти институты уже не играют той социальной роли, которую они выполняли в прошлом. Практика регистрации имен и фамилий заменила традиционные формы родственной идентификации. Все же хочется обратить внимание на устойчивость и значимость родовых связей в современной жизни надымских ненцев.

Из работ Б.О. Долгих, В.И. Васильева, Л.В. Хомич известно, что на протяжении XVIII — начала XX в. у ненцев протекал процесс сегментации родов. Он был приостановлен советской властью, кардинально сменившей систему учета аборигенного населения Севера (ненцев стали записывать по имени, отчеству и фамилии). Тем не менее до сих пор ненцы знают о своей родовой (клановой) принадлежности. В большинстве случаев она совпадает с фамильной.

Большинство опрошенных информантов отмечали, что род *еркар* состоит из нескольких более мелких родовых сегментов — *тунтер*. Так, у рода Нядонги выделяется два *тунтер*, у Вэлло и Тибичи — по три, у Анагуричи — четыре. Ненцы постоянно под-

черкивали: «Нядонги (Вэлло, Анагуричи и т.п.) разные»; «есть другие Нядонги (Тибичи, Вэлло и т. п.)».

Термин *тунтер* ненцы поясняют как «люди одного костра», «одна семья», «люди одной веры», «люди одного бога». У представителей одного *тунтер* есть свое священное место и свой дух-покровитель *хэхэ*, их хоронят на одном кладбище. Можно предположить, что понятием *тунтер* обозначается генеалогическое родство «по крови», охватывающее родственников-однофамильцев (членов одного *еркар*). Оно осознается как предковое («вышли из одного очага, из одной семьи»), базируется на реальных кровнородственных связях и играет важную роль в культово-ритуальной практике.

Род-*еркар* представляет собой экзогамное объединение, основанное не столько на действительных кровнородственных связях, сколько на отношениях реальной территориальной близости («соседства»). Можно говорить о генетическом и культовом (идеологическом) родстве членов одного *еркар*, у которых был общий дух-покровитель и общее священное место. В числе сородичей по *еркар* оказывались даже иноэтнические группы населения (ханты, коми-зыряне). Нужно отметить, что информанты из надымских ненцев отрицали деление на группы (фратрии) Харючи и Вануйто. Они указывали, что на такие группы делятся ямальские ненцы.

О родах сибирских ненцев известно из русских официальных документов начиная с конца XVI в. В XVII–XVIII вв. родов было немного. Так, Б.О. Долгих по данным на конец XVI — начало XVII в. перечислил 18 родов обдорских самоедов и 6 родов казымских (всего 24 сибирских рода). По материалам переписи 1926–1927 гг. у сибирских ненцев им было выявлено 22 рода фратрии Харючи, 14 фратрии Вануйто, 8 «остяцкого» происхождения, 5 энецкого происхождения, 4 рода лесных ненцев, 10 родов европейских и 19 неизвестного происхождения (всего 82 рода) [Долгих 1960: 70, 73; 1970: 70–83]. По данным Л.В. Хомич, в зауральских тундрах в конце XVII — начале XVIII в. обитало 18 родов; по материалам начала XX в. — около 85–90 родов [Хомич 1995: 163].

Увеличение количества родов объясняется непрерывно шедшим дроблением основных родов по мере расселения ненцев по занимаемой ими территории [Вербов 1939: 43; Хомич 1995: 164; Васильев 1979: 158]. На основании сведений о ненецких родах, анализа их численного состава реконструировалась этническая история ненцев. Такой подход позволили Б.О. Долгих, В.И. Васильеву,

Л.В. Хомич проследить процесс формирования европейских, сибирских тундровых и сибирских лесных ненцев.

Ценным представляется выявление Б.О. Долгих четырех главных районов расселения сибирских ненцев, имевших, по его мнению, историческое значение. Почти весь бассейн р. Надым и побережье Обской губы выделены им в IV район — переходную зону между «Каменным» (уральским) и «Низовым». В нем значительная часть каменных и низовых самоедов сходилась зимой, многие здесь оставались на лето рыбачить на берегу Обской губы. Переходный (надымский) район был, по мнению Б.О. Долгих, областью первоначального распространения тундровых ненцев наряду с «Каменным» [Долгих 1970: 95].

В наши дни основную часть ненецкого населения бассейна р. Надым составляют этнографические группы тундровых и лесных ненцев — *вын хасово* и *няд хасово* (*няки*). К первой относятся фамилии (в прошлом — роды) Анагуричи, Тибичи, Неркаги, Нядонги, Салиндер, Поронгуй, Пандо, Ненянг, Вэлла, Ясовей, Яптунай, Худи, Сегой, Ядне, Яр; ко второй — Пяк и Вэлла. Пяки сохранили особое самосознание, во многом основанное на противопоставлении себя тундровым ненцам.

В ходе полевых исследований выяснилось, что среди аборигенного населения актуально разделение по географическому принципу на «лесных», проживающих в лесотундровой зоне, и «морских» («речных», «береговых»), населяющих зону тундры — побережье губы. По отношению к лесным употребляются наименования *няд' хасово*, *педэра хасово* («лесные люди»), *няки*. Вторых называют *ям хасово* («речные/морские люди») или *вын хасово* («тундровые люди»). Помимо этого, существует деление по этническому принципу на две группы: *хасово еркап* («ненецкий род») и *хаби еркап* («хантыйский род»). Представители последней группы считают себя ненцами, не владеют хантыйским языком, но помнят о своем хантыйском происхождении. Сохранились предания о происхождении родов, на основании которых можно судить о формировании ненецкого населения Надымского района.

Начнем с рассмотрения сведений о родах, относящихся к группе *хаби*. Исконными обитателями низовой Надыма считаются Ясовей («люди земли», «местные жители»). И.С. Поляков записал легенду о происхождении этого рода. «Прародителем» надымских хантов, трех братьев Няульчи, Хангая и Сонгома считается Ясовай. По преданию, он ловил рыбу с помощью важана в перегородах-запорах.

Однажды во время наводнения к нему подъехал незнакомый остяк откуда-то с Оби ниже Обдорска и попросил одну из перегоронок (яз). Ясовой отказал, тогда приезжий убил Ясовая. После этого пришелец обосновался на Надыме, он считается предком родов Тонки, Тярмас-Катона, Индермы. Между разными родами продолжалась вражда за места обитания [Поляков 1877: 146–147].

В низовьях р. Надым издавна проживал и род Нядонги («ягельный», от *няда* — «ягель, мох»). По сообщению Г.М. Дмитриева-Садовникова, «осамоедившиеся остяки» Нядонги происходят из рода Погрон-яг. Ему удалось записать легенду о всемирном потопе, во время которого остяков из «местности выше Березова» принесло течением на плоту к устью Надыма [Дмитриев-Садовников 1917: 24, 25]. Сведения Г.М. Дмитриева-Садовникова совпадают с информацией И.С. Полякова о приходе на Надым населения с Оби. Современные информанты считают род Нядонги исконно надымским. Их местами считаются низовья Надыма и прилегающая часть побережья Обской губы (пос. Хэ, Шуга); границы владений проходили по Ивлевским пескам. Чужаков, которые приезжали с Оби, Нядонги пускали за плату рыбой или деньгами. Информация о родовом духе Нядонги в облике утки, вероятно, может служить косвенным подтверждением данных Г.М. Дмитриева-Садовникова об их первоначальном происхождении с Оби выше Березова. «Утиную» ипостась имел один из хантыйских духов-покровителей р. Казым. Среди местного населения Нядонги слывут драчунами и разбойниками, их зовут *саю* — «воинственные». Говорят, что в старину они часто воевали из-за земель в тундре.

Родственными Нядонги считаются Салиндер («житель мыса»). Этот род включает несколько территориально разобщенных ветвей, расселенных от Уральских гор и р. Собь на западе до Таза на востоке. Есть информация, что предки рода Салиндер жили по Тазовской губе, откуда расселились на запад. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые его подразделения связаны происхождением с манси (Прити-хаби, Сия-хаби) и коми-зырянками (Санэр-хаби) [Головнев 1988: 94].

Род Неркаги («ивняковый») называется так потому, что, по преданию, их предок спасся во время потопа, держась за ивовые ветви. В далеком прошлом предки Неркаги жили на Урале, в районе современного г. Лабитнанги. По материалам А.В. Головнева, ядро рода составили жители хантыйских юрт Вылпослинских. У Неркаги сохранились предания о существовании в тайге родового культового

места со священным амбаром, похожим по описанию на хантыйский [Там же: 93].

Неркаги близок род Тибичи («гнилой»), происходящий, согласно преданию, из юрт Воксарковых (по данным А.В. Головнева, из Обдорска). В роде Тибичи существуют три тунтер: *ненэй* (настоящие) Тибичи (из Аксарки), Вэхэ (из Ярцынги), Тибичи-Есниковы (пришедшие в Хэ из-под Обдорска). Фамилия Есников считается коми-зырянской. Раньше Вэхэ Тибичи носили фамилию Климовы, они были нижнеобскими хантами. Судя по словам информантов, еще в 1930-е гг. Климовы-Тибичи знали хантыйский язык.

Неркаги и Тибичи поклонялись духу в облике ястреба (*ханувэй*). Г.М. Дмитриев-Садовников привел сведения о священном месте на Надыме, где находилось изображение божества («шайтана»), перенесенного с реки Оксарки, правого притока Нижней Оби [Дмитриев-Садовников 1917: 25]. Видимо, он писал о родовом идоле Неркаги и Тибичи.

Род Поронгуй А.В. Головнев связывает с хантыйской фамилией Похрынковы, которая фиксировалась переписями в Обдорской, Куноватской и Подгородней волостях [Головнев 1988: 93–94]. Исконным местом рода Пандо, родственного Поронгуй, считаются хантыйские юрты Воксарковы [Там же: 93].

Среди родов *хаби* выявляются парные родственные: Няданги с Салиндер, Тибичи с Неркаги, Пандо с Поронгуй. Представители таких пар считаются «братьями и сестрами», браки между ними запрещены, у них имеется общее божество-покровитель. Про такое культовое родство ненцы говорят *нопой хэбя хаду* — «одна вера». Нужно отметить, что такое идеологическое родство «по богу» чрезвычайно значимо в сознании ненцев.

Приведенные данные показывают, что приток хантыйского населения в бассейн Надыма происходил из Нижнего Приобья. По мнению Е.В. Переваловой, район р. Надым «был самой отдаленной северо-восточной территорией расселения хантов, где они появились на последнем этапе своего продвижения на север (приблизительно в XVIII–XIX вв.)» [Перевалова 1998: 385]. Историко-архивные изыскания Е.В. Вершинина позволили углубить это дату до первой половины XVII в. [Вершинин 2000: 45–46].

Настоящими ненцами (*ненэй ненецэ*) считаются роды, относящиеся к группе *хасово еркара*, — Анагуричи, Вэлла, Ядне, Яптунай, Худи, Ненянг. Анагуричи (*Н'ано-Харючи* «лодочные Харючи») считаются исконными обитателями южного побережья Обской губы. Среди

них различают разные ветви: Харючи («подобные журавлю»), Лобяры («весло от лодки»), Нойтем («красные подвязки на кисах»), Н'оба. Согласно легенде, предок Анагуричи спасся в лодке (*н'ано*) во время потопа. В те далекие времена затопило землю, людей «понесло» водой по разным местам. Одного мальчика «прибило» на лодке к сопке Тюньте неподалеку от современного пос. Аксарка. От него и пошли Анагуричи, расселившиеся по побережью. По другой версии, предок Анагуричи остался без оленей и вынужден был передвигаться в лодке. По некоторым сведениям, род Анагуричи связан родством с Ядне («пешеход»). По преданию, когда во время потопа Анагуричи уплыли на лодке, Ядне ушли пешком.

В прошлом Анагуричи (*ям хасово* — «береговые») воевали с соседями (*педэра хасово* — «лесными») из-за земель в тундре. Их род считался богатырским, самым сильным был богатырь *Хасовако Лэмбэро Латэ* («широкогрудый богатырь»). По легенде, примирение произошло после того, как *педэра хасово (няки)* приехали к Анагуричи сватать дочь. Анагуричи не согласились отдать девушку. Началось сражение. Много пришельцев убили, оставшиеся в живых стали просить пощады. В обмен на жизнь Анагуричи попросили выдать девушку *педэра хасово* в род Анагуричи. Те согласились. Враждующие стороны пошли в сторону р. Ярудей. Там возле высокой лиственницы поклялись Пяки и Анагуричи жить в мире. В знак примирения сделали зарубы на лиственнице с двух сторон топором. После этого Анагуричи выдали девушку за Пяков, а Пяки — за Анагуричи. С тех пор не стало ссор между этими родами.

Род Вэлла состоит из трех подразделений: Ненэй-Вэлла, Того-Вэлла и Пяк-Вэлла. Последние две ветви считаются пришлыми из района озера Нумто. Информанты упоминали о том, что лесные ненцы, переселившиеся на Надым в XX в. из района озера Нумто, переходили на местный диалект. Ненэй-Вэлла («настоящие Вэлла») обитали по среднему течению р. Надым. Недалеко от современного г. Надым протекает речка Вэлла-яха, которая считается священной для рода Вэлла. По легенде, имя Вэлла (от *вэлла'на* — «подглядывать», «смотреть в обе стороны») они получили потому, что когда-то давно Нядонги сражались, а старик Вэлла, спрятавшись за деревья, подглядывал за соперниками, не поддержав ни одну из сторон.

Родственными считаются роды Яптунай и Худи. По преданию, их предки делили гуся (*япту*): одному досталась гусиная грудь (*худи*), другому — гусиная лапа (*най*). Яптунай пришли в Надымский район из Тазовского района в начале XX в. По данным информантов,

у Яптунай нет священных мест в Надымском районе, они ездили на свои родовые культовые места на Гыдан. Род Худи относится исследователями к ямальским родам [Дунин-Горкавич 1904: 106; Житков 1913: 205; Долгих 1970: 91].

Численность коренного населения в конце XVIII — середине XIX в.

Согласно данным ревизских переписей конца XVIII — начала XIX в. (1782, 1795, 1811, 1816, 1833, 1850 г.), остяцкое (хантыйское) население р. Надым было приписано к Надымскому городку Обдорской волости. Сведения о численности населения в нем и фамильном составе по материалам ревизских переписей представлены в табл., составленной по данным Е.В. Переваловой [Перевалова 2004: 323].

Таблица

Фамильный состав	IV ревизия, 1782 г.			VII ревизия. 1816 г.			X ревизия, 1858 г.		
	Муж.	Жен.	Хоз.	Муж.	Жен.	Хоз.	Муж.	Жен.	Хоз.
Хатанев	11	6	3	11	10	5	—	—	—
Тормасов	—	—	—	6	6	2	3	1	1
Тонкин	—	—	—	—	—	—	11	8	2
Летягин	—	—	—	—	—	—	7	5	2
Явлин	2	1	1	—	—	—	—	—	—
Кырсымов	3	4	1	—	—	—	—	—	—
Седмин	—	—	—	1	2	1	—	—	—
Кортлев	4	2	2	—	—	—	—	—	—
Потчепов	—	—	—	4	1	1	—	—	—
Селин	—	—	—	—	—	—	2	1	1
Тадебин	—	—	—	—	—	—	2	—	1
Мохнатов	1	2	1	—	—	—	—	—	—
Шеншлахов	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Кулатов (Хулетов)	2	—	1	4	3	2	—	—	—
Каулев	1	2	1	—	—	—	—	—	—
Удазиев	0	7	4	9	6	3	—	—	—
Хындин	—	—	—	—	—	—	7	5	1

Кудин	1	2	1	2	1	1	—	—	—
Кунзин	—	—	—	—	—	—	2	—	1
Потапин	4	3	1	4	2	1	—	—	—
Пяды	—	—	—	—	—	—	1	2	1
Агин	8	4	3	7	4	2	—	—	—
Нудин	—	—	—	—	—	—	1	2	1
Хету	—	—	—	—	—	—	4	—	1
Мудымов	1	—	1	—	—	—	—	—	—
Семенов	2	3	1	3	1	1	—	—	—
Котменков	—	—	—	2	2	2	—	—	—
Сонгутин	—	—	—	1	—	1	—	—	—
Ханаю	—	—	—	—	—	—	1	4	1
Мохтасов	—	—	—	—	—	—	4	4	1
Вызыны	—	—	—	—	—	—	2	—	1
Ненчи	—	—	—	—	—	—	4	—	1
ИТОГО:	51	36	22	54	38	22	51	32	16

Данные таблицы свидетельствуют о стабильности численности остяцкого населения на Надыме в конце XVIII — XIX в., она колебалась в пределах 5 % (87 чел. в 1782 г.; 92 — в 1816 г.; 83 — в 1858 г.).

Фамильный состав надымских остяков в конце XVIII — XIX в. был подвержен существенным изменениям. К 1858 г. не сохранилось ни одной фамилии, зафиксированной ревизией 1782 г. Е.В. Перваловой удалось установить, что все вновь появившиеся фамилии связаны с существовавшими ранее. Например, фамилия Тормасов образована от имени Тормаса Хатанева, которая затем распалась на две дочерние — Тонкин и Летягин; фамилия Седмин произошла от имени Седма Кырсымов; фамилия Потчепов образована от имени Потчеп Кортлев, которая затем была заменена на Селин и Тадебин; фамилия Удазиев соотносится с фамилией Хындин [Первалова 2004: 324].

Определить численность кочевавших по Надыму ненцев не представляется возможным, так как их учет велся по родам и ватагам без точной локальной привязки. В материалах ревизских переписей они относились к «самоедам низовой стороны» (побережье Обской губы, Тазовский и Гыданский полуострова). По данным В.И. Васильева, основанным на материалах ревизских переписей, в 1795 г.

к Низовой стороне относилось 9 ненецких родов численностью 1331 чел. Род Харючи (Карачеи) насчитывал 641 чел. В 1858 г. к Низовой стороне относилось 14 ненецких ватаг численностью 1794 чел. К первоначальному роду Харючи относилось 7 ватаг численностью 1391 чел. [Васильев 1994: 42, 47].

Приведенные данные свидетельствуют, что исконно надымскими родами в низовьях реки Надым были Ясовей и Нядонги хантыйского происхождения (*хаби еркара*), среднее и верхнее течение Надыма населял род Вэлла (*педэра хасово*). Предкам Ясовей и Нядонги пришлось отстаивать свои владения в борьбе с тундровым родом Анагуричей, которые в конечном счете обосновались на побережье. Исходным районом заселения бассейна Надыма и южного берега Обской губы было Нижнее Приобье, откуда мигрировали группы хантыйского населения. Приток родов *хасово* происходил, вероятно, с востока, из Тазовско-Гыданского региона (Яптунай, Ядне, Сегой, Ненянг). Миграции населения носили характер постепенной инфильтрации небольших родственных групп и были обусловлены экстенсивным характером промыслового хозяйства, предполагающим освоение новых земель.

Процесс оненечивания остяков-хантов начался в конце XIX в. и завершился в 1930-е гг. Такие хронологические рамки указывал В.И. Васильев [Васильев 1988: 103]. Собранные нами сведения подтверждают эту точку зрения. А.В. Головнев объяснял оненечивание хантыйского населения в низовьях Оби изменениями в хозяйстве — переходом к крупностадному отгонному оленеводству [Головнев 1988: 88; 1995: 103]. Наши полевые материалы показывают, что большая часть семей из *хаби-еркара* не занималась отгонным оленеводством, они вели комплексное хозяйство, сочетающее промыслы с транспортным оленеводством. Основной причиной смены этнической принадлежности с хантыйской на ненецкую следует считать демографический фактор. По данным ревизских переписей, к Надымскому городку в 1782 г. было приписано 87 чел., в 1858 г. — 83 чел. Это было все остяцкое население бассейна Надыма. Статистические данные говорят о значительном преобладании ненецкого населения над хантыйским к востоку от устья Оби в конце XVIII — середине XIX в. Видимо, оказавшись среди более многочисленного ненецкого населения, надымские ханты со временем перешли на ненецкий язык и сменили свою этническую идентичность. Определенную роль в их ассимиляции сыграли межэтнические браки, распространенные в зоне ненецко-хантыйских контактов.

Другие этнические группы бассейна р. Надым

Большинство исследователей аборигенным населением Полярной зоны Евразии считают *сихиртя* [Лашук 1968; Васильев 1970; Хомич 1970, 1995; Головнев 1995]. Основным источником знаний о них является ненецкий фольклор. В легендах рисуется облик некогда обитавших в тундрах Приуралья и Зауралья маленьких светлоглазых людей. Информанты из надымских ненцев говорили, что *сихиртя* — низкорослые голубоглазые светловолосые люди, населявшие тундру в давние времена. Жили они в песчаных сопках, другой вариант — под землей в деревянных избушках. Занимались рыболовством и охотой. Оленей у *сихиртя* не было, ездили на собаках. Выходили на поверхность ночью в темноте. У них было много металлических изделий. *Сихиртя* женились на ненках. Информанты отмечали, что *сихиртя* жили на Ямале, в бассейне Надыма их не было.

В прошлом в бассейне Надыма появлялись *тунгосы*. Ненцы не идентифицируют их с современными эвенками. Говорят, что они не местные, пришлые, дикий народ. Тунгосы отличались от ненцев по антропологическим признакам: были высокого роста, смуглокожие («темнее нас»), узкоглазые. Они носили длинные волосы. Оленей не держали, занимались охотой, были ловкими стрелками. Жили в землянках, по другим сведениям, спали прямо под деревьями. Изготавливали легкие разборные лодки из оленьей кожи, когда выходили на берег, лодку сворачивали. Питались сырым и вяленным мясом. Тунгосы боялись шума, выстрелов, огня (не смотрели на огонь, отворачивались). Ненцы враждовали с ними, так как те воровали у них жен и оленей.

Многие информанты рассказывали о том, как однажды тунгосы украли девочку из рода Пяк. Тунгосы держали ее несколько дней, кормили полусырым недожаренным мясом (по другим данным, сушеным), носили за собой в мешке. Три дня искали пропавшую девочку. Тунгосы остановились на ночлег. Старший брат девочки, искавший ее, выстрелил из ружья. Она услышала и прибежала. Бытует рассказ и о поимке тунгоса. Одного парня переодели в женскую одежду. Когда вечером он вышел из чума, на него набросился тунгус. Тогда из засады выскочили мужики и поймали вора.

Судя по исследованиям Г.М. Василевич и В.А. Туголукова, отдельные группы эвенков кочевали к западу от Енисея с XVII в. Они бывали на Кети, Турухане, среди обско-ваховских хантов, на верхнем Тазу среди энцев [Василевич 1969: 3–6; Туголуков 1985: 237–242]. В XIX в. эвенки упоминаются даже к западу от Оби, а так-

же на Васюгане, Тазу [Туголуков 1985: 247]. На рубеже 1920–1930-х гг. часть их проникла в низовья Таза [Там же: 263]. Видимо, на территорию Надымского района эвенки приходили с р. Таз. Их появления были эпизодическими, хотя и происходили на протяжении значительного временного отрезка: с середины XIX в. до первой трети XX в. М.А. Кастрен привел данные о том, что в 1840-е гг. тунгусы кочевали по обской стороне, самоеды жаловались, что те овладели их оленями [Кастрен 1860: 482]. Таким образом, возможность для этнических контактов эвенков с лесными и частью тундровых ненцев существовала довольно длительное время. Л.В. Хомич оценивает эвенкийское влияние на культуру ненцев как незначительное, оно сказалось только на крайних восточных группах [Хомич 1995: 278].

В Надымском районе давно проживает группа коми-ижемцев. Надымские ненцы по отношению к ним употребляют этноним *нысыма*. Известно, что проникновение ижемской группы коми-зырян в Зауралье началось с 1840-х гг. С 1860–1870-х гг. зыряне начинают обосновываться непосредственно на Оби — в селениях Обдорск, Мужы, Березово. Основной причиной массовой миграции зырян в Северное Зауралье была нехватка пастбищ в связи со значительным увеличением поголовья оленей. В начале XX в. коми активно осваивали бассейн р. Надым. В работе А.А. Дунина-Горкавича приведены сведения о пришлом коми-зырянском и русском населении Надымского края: в семи населенных пунктах числилось 21 хозяйство с общим числом жителей 113 чел. [Дунин-Горкавич 1904: 344]. Первым коми-зырянским поселком на Надыме был Нори. Выбор места, видимо, определился тем, что в окрестностях было много ягельников для выпаса оленей. Информанты говорили, что почти все зыряне (Терентьевы, Каневы, Рочевы, Поповы) перебрались сюда из Мужей.

По Надыму проживают также представители особой, колвинской, группы ненцев — переселенцев из Приуралья. Точных сведений о времени их появления в Зауралье не имеется. Судя по полевым материалам, европейские ненцы мигрировали в бассейн Нижней Оби одновременно с коми-ижемцами. По мнению Л.В. Хомич, колвинские ненцы являются довольно поздним этническим образованием. Эта группа сформировалась в XIX в. в результате смешения с ижемцами (коми-зырянами). Значительную роль в их сложении сыграли смешанные браки, в хозяйстве и культуре было сильным коми-зырянское влияние [Хомич 1995: 24]. Сами колвин-

цы считают себя ненцами, но говорят на ижемском диалекте коми языка. В Надымском районе к ним относятся представители фамилий Тяро, Рочевых, Хатанзеевых, Валеевых. Род Тяро является сибирским вариантом европейского рода Пути, о чем нам сообщили информанты. По В.И. Васильеву, Тяро являются единственными потомками куноватских самоедов [Васильев 1988: 105]. Одно не исключает другого, поскольку исследование Б.О. Долгих показало, что территорию Куноватской волости осваивали европейские ненцы [Долгих 1970: 64].

Библиография

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). М., 1969.

Васильев В.И. Сиртя — легенда или реальность? // СЭ. 1970. № 1.

Васильев В.И. Проблемы формирования северсамодейских народностей. М., 1979.

Васильев В.И. Ненецко-угорские взаимосвязи на Севере Сибири: история и современность // Социально-экономические проблемы древней истории Сибири. Тобольск, 1988.

Васильев В.И. Ненцы // Народы Сибири и Севера России в XIX в. М., 1994.

Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. 1939. Вып. 2.

Вершинин Е.В. Отчет о научно-исследовательской работе «Комплексное исследование Надымского городища летом 2000 г.». 2000. Т. 5: Историко-архивные исследования.

Головнев А.В. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодейцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым // ЕТГМ. 1917. Вып. 28.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Новая серия. М., 1960. Т. 40.

Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Тобольск, 1904. Т. 1.

Житков Б.М. Полуостров Ямал. СПб., 1913.

Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин земледения и путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал. СПб., 1868.

Лашук Л.П. «Сиртя» — древние обитатели субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

Перевалова Е.В. Обдорские ханты (хаби): к вопросу о формировании группы // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симп. Новосибирск, 1998. Т. 2.

Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби // Записки Академии наук. СПб., 1877. Т. 30.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.

Хомич Л.В. Ненецкие предания о сихиртя // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 59–69.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.

Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995.